

Влияние международной политики на привлечение иностранных инвестиций в особые экономические зоны¹

Леонид Евгеньевич Козлов,

кандидат политических наук, доцент кафедры
международных отношений Дальневосточно-
го федерального университета, Владивосток.
E-mail: kozlov.le@dvmfu.ru

На основе теорий конкурентоспособности стран, интернационализации фирмы и политической среды бизнеса рассматривается влияние международной политики на развитие особых экономических зон (ОЭЗ). Сравняется соотношение национального и зарубежного капитала в ОЭЗ, анализируется их роль в привлечении прямых иностранных инвестиций (ПИИ). Систематизируется информация о государствах, в которых совокупно концентрируются финансовые и научно-технологические ресурсы. Выдвигается предположение, что положительные или хотя бы нейтральные политические отношения с ними имеют значение для страны — акцептора ПИИ. На основании ряда примеров сделан вывод: корреляция международной политики и ПИИ обнаруживает себя в случае резкого ухудшения или улучшения диалога государств, чьи компании заинтересованы в деловом взаимодействии. В мире сложилась группа финансовых и технологических лидеров, отношения с которыми могут влиять на объём ПИИ, особенно в технических сложных производствах. ОЭЗ играют значимую роль в ПИИ малых и средних стран со слабой экономикой, в большом и экономически сильном государстве корреляция ОЭЗ и ПИИ будет малозаметна, поскольку там главные резиденты ОЭЗ — национальные компании. Существует альтернатива источников ПИИ, поэтому ухудшение отношений с США и их союзниками не обязательно ведёт к сокращению таких инвестиций и упадку ОЭЗ в странах-акцепторах.

Ключевые слова: международные отношения, особые экономические зоны, прямые иностранные инвестиции.

The Influence of International Politics on Attracting Foreign Investment in Special Economic Zones.

Leonid Kozlov, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.
E-mail: kozlov.le@dvmfu.ru.

¹ Статья выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Проект № 18-014-00012 «Влияние региональной политики на международную интеграцию периферийных территорий (на примере стран Северо-Восточной Азии)».

This article considers the influence of international politics on the development of special economic zones based on the theory of the competitiveness of countries, the theory of the internationalization of firms and the theory of the political environment of business. The access of national and foreign capital to the special economic zones (SEZ) is compared, the role of SEZ in attracting foreign direct investment (FDI) is analyzed and the information about the countries with concentrated financial and scientific and technical resources is systematized. It is assumed that positive or at least neutral political relations with these countries are of importance for the country that accepts FDI. According to some specific examples, the following conclusion is made: correlation of international politics and FDI becomes noticeable when relations between countries whose firms are interested in business interaction deteriorate or improve dramatically. There is a group of financial and technological leaders in the world who can politically control the export of their FDI, especially to technically complex industries. SEZs play a significant role in FDI of small and medium-sized countries with weak economies. In a large and strong country, the correlation between the SEZ and FDI will be subtle since the main SEZ residents are national companies. Today, there is an alternative to sources of FDI in the world. Therefore, the deterioration of relations with the US and its allies does not necessarily lead to a reduction in FDI and the decline of SEZ in the accepting countries.

Keywords: international relations, special economic zones, foreign direct investment.

ВВЕДЕНИЕ

В начале XXI в. популярность особых экономических зон (ОЭЗ) как инструмента территориального и макроэкономического развития совпала с политизацией международных экономических отношений, которая зашла столь далеко, что породила кризис доверия к Всемирной торговой организации и принципам Генерального соглашения по тарифам и торговле. Одной из главных задач указанных зон учебники по экономике, аналитические отчёты Всемирного банка, материалы сайта ассоциации ОЭЗ² называют привлечение прямых иностранных инвестиций (ПИИ), которые, в теории, содействуют распространению передовых технологий производства и управления, стимулируют промышленность и экспорт в стране-акцепторе [19, с. 24—25, 28; 31]. Взаимосвязь международных и национальных политических и экономических процессов не подвергается сомнению и давно изучается различными школами политологии, экономики и политэкономии [подробнее см.: 21], поэтому резонно предположить, что межправительственные отношения могут оказывать воздействие на развитие ОЭЗ.

² WEPZA: The World's First Association of Special Economic Zones. URL: <http://www.wepza.org/> (дата обращения: 01.06.2018).

Чтобы проверить это внешне очевидное предположение, необходимо ответить на несколько базовых вопросов, а именно: преобладает ли в ОЭЗ национальный или иностранный капитал, насколько значимую роль играют зоны в общем притоке ПИИ, концентрируются ли капиталы и технологии в некоторых странах-донорах, отношения с которыми будут сказываться на импорте ПИИ? Для решения поставленных задач и точного выявления наличия или отсутствия корреляции между политическими отношениями и развитием ОЭЗ необходимо отдельное развёрнутое исследование. Данная статья ограничивается постановкой проблемы. Основное внимание сосредоточено на анализе положения российских ОЭЗ, но затронуты и другие страны, имеющие сложные отношения с потенциальными донорами ПИИ (КНДР, Иран, Куба). Под ОЭЗ понимаются все территории с особым экономическим статусом, которых в мире на сегодня существует более 4 тыс., хотя стоит учитывать, что набор предпочтений в данных зонах в зависимости от страны и их типа может сильно различаться.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Вопрос о влиянии международной политики на развитие ОЭЗ в научных трудах напрямую не ставился, однако в смежных исследованиях показаны отдельные аспекты этой проблемы. В частности, из обширной литературы о международной конкурентоспособности следует, что не только фирмы, но и страны соперничают друг с другом в мировой экономике, а национальные правительства предпринимают усилия по укреплению позиций фирм своих государств в этом противостоянии [подробнее см.: 27]. В исследованиях межстрановой конкурентоспособности большую популярность имеют доклады Всемирного экономического форума, где главными факторами, влияющими на данный показатель, считаются институты, инфраструктура, макроэкономическая среда, здравоохранение и начальное образование, высшее образование и обучение, эффективность товарных рынков, эффективность рынка труда, развитие финансовых рынков, технологическая готовность, размер рынка, эффективность бизнеса, инновации [14, с. 12—13]. По мысли Ю.В. Таранухи, сегодня конкурентоспособность трактуется, прежде всего, как умение страны формировать и поддерживать среду, помогающую фирмам создавать добавленную стоимость, а гражданам улучшать благосостояние. Именно государство определяет институциональные условия, которые принуждают компании к инновационному поведению, поощряя новаторов и наказывая рутинёров [24, с. 74—75]. Этой логике соответствует институт ОЭЗ, когда правительство страны

даёт фирме доступ к лучшим условиям производства товаров и услуг в обмен на бизнес-проект, отвечающий определённым критериям.

Теория интернационализации фирмы, среди прочего изучающая территориальное распространение транснациональных корпораций (ТНК), указывает на то, что фирма развивается по собственной логике, которая не слишком соответствует желанию чиновников создавать новые полюсы роста и достигать плановых результатов в рамках государственного задания. Если правительство ставит перед полюсами роста, такими как ОЭЗ, задачи импорта технологий и капиталов, регионального и макроэкономического развития, то для ТНК главные стимулы в создании новых подразделений — произвести товар с наименьшими издержками, продать по максимальной цене и как можно большему числу клиентов, опередить конкурентов любыми способами, достичь и сохранить монопольное положение на рынке и т.п.

Привлечь глобальную ТНК, формирующую под себя национальные рынки, в ОЭЗ в каком-то отсталом регионе едва ли возможно без предоставления ей каких-то чрезвычайных льгот. По наблюдению С.С. Артоболевского, государство должно компенсировать инвесторам не менее 30—40% стоимости размещения в периферийном депрессивном районе [2, с. 10]. В нормальной же инвестиционной ситуации зарубежная ТНК придёт вначале в столицу страны, а далее, в случае успеха, будет двигаться в другие крупные и экономически развитые города [15, с. 65—70]. Множество разных условий способно дополнительно сдерживать размещение иностранных фирм в ОЭЗ, как то: затягивание сроков строительства производственных площадей, удалённость от основных рынков сбыта, дефицит сырья и комплектующих, частый пересмотр экономических законов в государстве, плохая криминогенная обстановка, отсутствие справедливой защиты инвесторов в местных судах, а также нормативного регулирования и делопроизводства на английском языке и др.

Отметим, что страна, имеющая богатые природные ресурсы и способная сама добывать их, будет отдавать национальному бизнесу наиболее прибыльные участки промысла и первичной переработки сырья. В подобном случае у таких компаний — помимо более тесных связей с правительством своей страны и лучшего понимания государственных законов — есть дополнительное преимущество перед иностранными инвесторами в виде собственных источников снабжения. В частности, в дальневосточных территориях опережающего развития (ТОР) инвестиционные проекты «Газпрома» и «Роснефти» существенно превосходят по объёму те, которые имеются у других компаний. По заявлению бывшего главы Минвостокразвития РФ А.С. Галушки, на 2018 г. 92% инвестиций в основной капитал на Дальнем Востоке приходится на российские, а 8% — на иностранные источники: «Такое серьёзное смещение

доли инвестиций в пользу российских компаний связано с тем, что у нас резидентами ТОР „Свободный“ и „Нефтехимический“ стали два очень крупных проекта. В Амурской области это газохимический комплекс, в Приморском крае — нефтехимический комплекс. Капиталовложения только в первый этап газохимического комплекса составляют 950 млрд рублей. В комплекс под Находкой — 650 млрд рублей» [3].

Построение общей концепции политической среды фирмы не слишком интересует теорию предпринимательства. Соответствующая литература или кратко упоминает политику в числе прочих элементов внешней среды, таких как конкуренты, потребители, география [26], или рассматривает отдельные случаи влияния политики на бизнес³. Напротив, изучение политических рисков компаний продвинулось далеко, и если раньше авторы концентрировались на эндогенных факторах (революции, экспроприации и т.п.), то сейчас без их внимания не остаются международные конфликты и санкции. Методы анализа причин и прогнозирования вероятности политических рисков бизнеса постоянно совершенствуются, равно как и инструменты их снижения (страхование, распределение и др.). В научной литературе отсутствует рассмотрение политических рисков государственных экономических институтов, таких как ОЭЗ, чьи управляющие компании сами не производят товары и не оказывают услуги, помимо обеспечения условий для деятельности фирм — резидентов зон. По крайней мере, в электронных базах данных Web of Science, Scopus, ProQuest, Science Direct нам не удалось обнаружить публикаций, непосредственно анализирующих взаимосвязь политических процессов и ОЭЗ.

Центральное место в изучении политических рисков бизнеса занимает тема ПИИ. Последние, как отмечает М.В. Братерский, зачастую являются мощным инструментом влияния страны-донора на экономику и политику государств-акцепторов. Правительство первой может

³ Например: Busse M., Hefeker C. Political risk, institutions and foreign direct investment // *European Journal of Political Economy*. 2007. No. 23. P. 397—415; Biesenbender S., Tosun J. Domestic politics and the diffusion of international policy innovations: How does accommodation happen? // *Global Environmental Change*. 2014. No. 29. P. 424—433; Moser C., Nestmann T., Wedow M. Political risk and export promotion: evidence from Germany // *Deutsche Bundesbank. Discussion Paper. Series 1: Economic Studies*. No. 36/2006. 48 p.; Jakobsen J. Old problems remain, new ones crop up: Political risk in the 21st century // *Business Horizons*. 2010. No. 53. P. 481—490; Brink C. Measuring political risk: Risks to foreign investment. Ashgate, 2004. 200 p.; Кислицын Д.В. Интернализированный политический ресурс в современной экономике России: количественная оценка для регионального крупного бизнеса // *Научные труды ДНТУ. Серия: Экономическая*. 2013. № 1. С. 149—154; Сукиасян А.Х. Дефицит социального капитала российского бизнес-сообщества как фактор накопления политического риска // *Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения*. 2013. № 1. С. 122—126.

различными способами контролировать и формировать географию экспорта ПИИ. Инвестиции в государства, которые полезны для донора, будут стимулироваться, а во враждебные — по возможности пресекаться. Страна-донор может посредством больших по объёму и регулярных ПИИ намеренно создавать так называемую инфраструктуру зависимости за рубежом, вследствие чего акцептор утратит способность к самостоятельной политике [5, с. 19—20].

Изучая роль ОЭЗ в привлечении ПИИ, эксперты Всемирного банка приходят к выводу, что она сильно дифференцирована по странам-акцепторам и историческим периодам. На самом деле дать точную оценку сложно из-за того, что многие государства не отслеживают долю зарубежного капитала ОЭЗ в общем поступлении ПИИ, хотя в некоторых странах она велика. Например, на Филиппинах произошло её увеличение с 30% в 1997 г. до 81% в 2000 г., в Мексике — с 6% в 1994 г. до 23% в 2000 г., в Бангладеш в начале XXI в. зафиксирован 31% [28, р. 35—36]. В Китае в 2010-е гг. на ОЭЗ приходилось более 80% ПИИ, однако в 2012 г. данная цифра сократилась до 50% [31, р. 18]. В целом в этом вопросе эксперты Всемирного банка приводят в пример, помимо КНР, опыт развивающихся государств Юго-Восточной Азии, Латинской Америки, Африки.

С другой стороны, во многих странах ОЭЗ играют незначительную роль в привлечении ПИИ, и большинство инвестиций в них имеет внутреннее происхождение [28, р. 35—36]. Так, Россия по итогам 2017 г. накопила 27,9 млрд долл. ПИИ [23], а всех прямых частных инвестиций в ОЭЗ под управлением Минэкономразвития РФ было 4,1 млрд долл., из них примерно 2,1 млрд долл. являлись иностранными [4, с. 13]. К этому числу надо также приплюсовать статистику ТОР под управлением Минвостокразвития РФ: к 2018 г. реально было вложено 3,2 млрд долл., из них ПИИ составили всего 8% [1]. Таким образом, территории с особым статусом дают в России около 9% ПИИ. Столь малая доля легко объяснима тем, что в нашей стране основная часть ПИИ идёт в добывающий сектор, в то время как Москва создаёт ОЭЗ с надеждой на развитие производств с высокой добавленной стоимостью. Аналогичная ситуация сложилась в Беларуси, где ОЭЗ дают всего 5% ПИИ [25, с. 80].

Следует пояснить: истинную географию происхождения ПИИ определить сложно, так как многие капиталы — а иногда и большинство — поступают из офшоров и офшоропроводящих стран и могут представлять собой реинвестирование дохода национальных фирм. Например, в России крупнейшими зарубежными инвесторами традиционно выступают Кипр, Люксембург, Швейцария, Нидерланды, Великобритания и её зависимые территории [6, с. 148]. С.А. Иванов указывает на то, что в самой успешной китайской ОЭЗ «Шэньчжэнь» большинство ПИИ приходилось на национальный капитал, пропущенный через

офшор Гонконга [10]. При этом просто признать импорт ПИИ из офшоров и офшоропроводящих Нидерландов и Великобритании реинвестированием невозможно: там размещают средства не только национальные инвесторы, но и представители третьих стран, а британские и нидерландские фирмы могут действительно вести производство за рубежом (например, в России работают такие известные компании, как Shell, Unilever, Jaguar Land Rover, Heineken, Deloitte, KPMG, British American Tobacco и др.).

Совокупное сочетание капитала и технологий в избытке существует в ограниченном числе государств, а это побуждает предположить, что хорошие отношения с данными финансовыми и научно-технологическими лидерами будут полезны для страны-акцептора. По статистике Международного валютного фонда за 2013 г., основные финансовые ресурсы мира находились преимущественно в США, ЕС и Японии (36, 20 и 7% соответственно). На территории развитых стран расположено большинство мировых финансовых центров, куда стекается капитал как развитых, так и развивающихся государств [7]. За последние годы в число финансовых лидеров вошёл Китай, в 2016—2017 гг. он стал первым в мире по объёму банковских активов (около 40 трлн долл.) и золотовалютных резервов (более 3 трлн долл.), ВВП по паритету покупательной способности (более 23 трлн долл.), и это без учёта Гонконга, который по финансовым параметрам приближается к Японии.

Аналогично выглядит научно-технологическая структура мира. По вложениям в НИОКР в 2014—2015 гг. лидировали США (29% по паритету покупательной способности), ЕС (21%), Китай (20%) и Япония (11%), причём доля КНР с течением времени увеличивается. По абсолютным размерам расходов НИОКР на первом месте были Соединённые Штаты (465 млрд долл.), далее следовали Китай (284 млрд долл.), Япония (165 млрд долл.), Германия (92 млрд долл.), Республика Корея (63 млрд долл.) [16, № 2, с. 20—21]. Большинство опубликованных патентных заявок принадлежит США, Японии, Китаю, Германии, Республике Корея [16, № 3, с. 34]. По данным сайта Всемирной организации интеллектуальной собственности ООН⁴, США, ЕС, Япония, Южная Корея и Сингапур дают 65—70% патентов мира. Эта же организация составляет рейтинг инновационных стран The Global Innovation Index на основании расходов на НИОКР, патентной активности, количества цитирований и других параметров. В 2017 г. в нём лидировали государства Западной Европы, США, Канада, Япония, Южная Корея, Сингапур. Китай хотя и занял всего 22-ю позицию, но это всё равно заметно выше, чем Россия (45-е место).

⁴ World Intellectual Property Organization. URL: <http://www.wipo.int/portal/en/> (дата обращения: 01.06.2018).

ОЭЗ И МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА: ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРИМЕРЫ

Рассмотрим несколько примеров, свидетельствующих о влиянии международной политики на ОЭЗ. Начнём с конфронтации Москвы с Вашингтоном и ЕС в 2014 г. в связи с украинским кризисом и вхождением Крыма в состав РФ. Под санкции попал ряд пророссийских политиков Крыма и Донбасса, а также крупнейших чиновников и бизнесменов РФ, участвовавших, по мнению Запада, в выработке и реализации экспансионистской внешней политики Кремля. Прежде страны ЕС были главными торговыми и инвестиционными партнёрами России, довольно активно наше государство взаимодействовало в экономике и с США. По мере усиления украинского кризиса Вашингтон и ЕС вводили разнообразные экономические и политические санкции против России, в том числе ограничения на финансовые заимствования её банков на западных площадках, запрет на продажу технологий для шельфовой добычи нефти, торговое эмбарго на продукцию многих фирм РФ и др. Кремль в ответ предпринял ряд контрсанкций, правда, существенно меньших по объёму. На этом фоне в 2014—2016 гг. произошло радикальное сокращение ввоза иностранного капитала в Россию, равно как и вывоза финансов из неё [6, с. 151].

Реагируя на возникшие проблемы, Москва среди прочего попыталась интенсифицировать инвестиционное сотрудничество с Китаем. Российский фонд прямых инвестиций и China Investment Corp. основали Российско-китайский инвестиционный фонд с капиталом в 1 млрд долл. (совместный проект). Российско-китайская межправительственная комиссия согласовала 73 общих проекта, 17 из которых на текущий момент начали реализовываться [17]. Был заключён 30-летний суперконтракт на поставки газа из РФ в КНР, предусматривающий китайское участие в строительстве газопровода «Сила Сибири». Поскольку цена на газ в рамках контракта не раскрывалась, скорее всего, она ниже, чем для европейских покупателей, т.е. Россия пожертвовала прибылью ради укрепления политического партнёрства. В 2015 г. Москва и Пекин заявили о сотрудничестве в сопряжении Евразийского экономического союза и торгово-логистической инициативы «Один пояс — один путь» [22]. В результате, по данным Центрального банка РФ, китайские ПИИ в Россию выросли с 1,4 млрд долл. в 2015 г. до 4,5 млрд долл. в 2018 г. [23].

4,5 млрд долл. ПИИ в отечественной экономике — небольшая цифра, на уровне Италии и Финляндии, в 3—4 раза меньше, чем ПИИ Германии и Франции, и почти в 40 раз ниже, чем у офшорного Кипра. Однако учёные с помощью других методик пытаются выяснить реальное происхождение ПИИ, проходящих через офшоры. В докладе Центра

интеграционных исследований Евразийского банка развития, подготовленном под руководством член-корр. РАН А.В. Кузнецова, реальные китайские ПИИ в России на начало 2017 г. составили 8,23 млрд долл., и это уже сравнимо с ПИИ из Нидерландов, Японии, Индии. Авторы прогнозируют дальнейшее укрепление позиций китайских ТНК, которые будут приобретать в РФ активы не только в топливном и химическом комплексах, но и в других секторах промышленности: «Особый рывок инвестиционной активности ожидаем в горнодобывающем секторе» [8, с. 12, 38].

В докладе Ernst&Young, одной из крупнейших аудиторских фирм мира, основанном на учёте инвестиционных проектов, создающих не менее 100 новых рабочих мест, КНР названа лидером 2017 г. среди государств, направляющих ПИИ в Россию: 32 проекта (на втором месте находится Германия с 28). Также в документе отмечается, что азиатские страны в целом увеличили число проектов в РФ (с 30 до 76), в том числе в десятку лидеров вошли Япония (17) и Южная Корея (12). Напротив, ЕС и США в полтора-два раза сократили число своих проектов в России [11].

Изменение географической картины ПИИ сказалось на данных ОЭЗ. В 2017 г. в зонах под управлением Минэкономразвития РФ по заявленным ПИИ КНР лидировала с 1 млрд 463 млн долл., далее шли США (811 млн долл.), Япония (500 млн долл.), Турция (434 млн долл.), Германия (251 млн долл.) [12]. Минвостокразвития отмечает китайское доминирование в дальневосточных ТОР, правда, там ПИИ пока незначительны [1].

Другой показательный пример — промышленный комплекс «Кэсон» и межкорейское экономическое взаимодействие. Напомним, что президент Южной Кореи Ким Дэ Чжун проводил в отношениях с КНДР так называемую политику солнечного тепла, в рамках которой среди прочего были созданы благоприятные условия для инвестиций компаний РК на Севере. Основным местом назначения южнокорейских ПИИ стал Кэсон, где успешно сочетались оборудование и технологии Юга и дешёвая рабочая сила Севера. Как следствие, с 2001 по 2007 г. доля РК во внешней торговле КНДР возросла с 15 до 38%, что почти соответствовало доле Китая (42%). По оценкам Сеула, Пхеньяна заработал на проектах межкорейского сотрудничества, включая Кэсон, около 1,3 млрд долл. в 2004—2007 гг. [9, с. 63—64]. Таким образом, наряду с КНР, РК была одним из двух крупнейших инвесторов в экономику КНДР. Опыт Кэсона вдохновил правительство Северной Кореи на более широкое применение инструмента ОЭЗ, так что за 2012—2017 гг. число зон выросло с 4 до 29 [18].

После прихода к власти в РК консерваторов на фоне военных инцидентов в межкорейских отношениях и развития ракетно-ядерной программы КНДР у предприятий в Кэсоне стали возникать политико-

административные проблемы. В 2013 г. Пхеньян приостановил работу парка на пять месяцев, а в 2016 г. полностью его закрыл [9, с. 5; 30]. По заявлению Сеула, правительство и компании РК инвестировали в Кэсон около 829 млн долл. [30]. Сейчас почти все ПИИ в КНДР осуществляются в форме совместных предприятий или же концентрируются в ОЭЗ как фирмы со 100% иностранным капиталом (большинство размещено в Пхеньяне и в ОЭЗ «Расон»). По экспертной оценке, в 2012 г. в Северной Корее работало 315 совместных предприятий, из которых 205 — с китайским капиталом [18].

В 2016 и 2017 гг. Совет безопасности ООН ввёл максимально жёсткие санкции против Пхеньяна, реагируя на его ракетно-ядерные испытания. Теперь почти все новости о внешней торговле КНДР поступают из ОЭЗ «Синийчжу» (на границе с КНР) и «Расон» (на границе с РФ). Одним из крупнейших инвесторов последней зоны являются «Российские железные дороги», реконструировавшие портовый терминал для перевалки угля и трансграничный участок железной дороги [13]. Западная, южнокорейская и японская пресса часто пишет, что Пекин и Москва попустительствуют через данные ОЭЗ торговле, которая нарушает санкции ООН. И КНР, и РФ эти обвинения отвергают, однако очевидно: более конструктивные отношения Пхеньяна с Китаем и Россией, чем с Японией и РК, позволяют северо-корейским ОЭЗ продолжать работу.

В Иране действует 16 ОЭЗ и 7 так называемых специальных торговых зон. Статистика по его ОЭЗ требует уточнения, но в целом ПИИ в страну резко выросли после заключения в 2015 г. «ядерной сделки»: Тегеран согласился свернуть свои разработки, способные привести к появлению у него ядерного оружия, а США, Франция, Великобритания, Германия, Китай и Россия обещали снять односторонние политико-экономические санкции и санкции ООН. В результате в 2016 г. Иран привлёк 12,2 млрд долл. ПИИ и стал вторым по величине их акцептором в регионе Ближнего Востока и Северной Африки. Основные вложения осуществили Германия (4 млрд долл.) и Испания (3,2 млрд долл.), значительные — ОАЭ, Китай, Россия, Франция, Великобритания [29]. Все эти страны выступают против инициативы президента США Д. Трампа о расторжении «ядерной сделки».

Куба только приступила к созданию своей первой ОЭЗ. Это самый большой экономический проект страны в рамках постепенной и осторожной либерализации предпринимательства. Для его реализации Гавана привлекла более 900 млн долл. ПИИ, из которых 640 млн долл. были предоставлены Бразилией в период президентства сторонницы левых сил Дилмы Роуссефф. В ОЭЗ планируется участие 11 государств, работа 14 иностранных и 5 совместных предприятий и только 4 кубинских компаний. В 2017 г. число утверждённых проектов составило 24, а их общий объём инвестиций — 966 млн долл. [20].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Приведённые примеры доказывают, что развитие ОЭЗ в некоторой степени зависит от состояния международных отношений страны — акцептора ПИИ. Конечно, это не главный фактор успешности института таких зон в глобальном масштабе. Вероятно, он вообще не играет роли, когда международная обстановка спокойна, а движение капитала и торговля не встречают политических препятствий при пересечении государственных границ. Однако политические факторы способны затормозить и полностью остановить ПИИ в условиях острого международного конфликта. Обобщая вышеизложенное, можно сделать ряд выводов:

- корреляция международной политики и ПИИ обнаруживает себя в случае резкого ухудшения или улучшения отношений между странами, чьи компании заинтересованы в деловом взаимодействии;
- в мире сложилась группа финансовых и технологических лидеров, ухудшение отношений с которыми чревато дефицитом ПИИ, особенно в технически сложные производства;
- ОЭЗ играют значимую роль в ПИИ малых и средних стран со слабой экономикой, а в большом государстве с мощной экономикой корреляция ОЭЗ и ПИИ будет малозаметна, поскольку там главными резидентами ОЭЗ являются национальные компании;
- сегодня в мире есть альтернатива источников ПИИ (Китай, США, Евросоюз, Бразилия, Индия, Япония, арабские страны Персидского залива), поэтому ухудшение отношений с Соединёнными Штатами и их союзниками не обязательно ведёт к сокращению ПИИ и упадку ОЭЗ в странах-акцепторах.

Напряжённость в политических отношениях не означает автоматического ухода зарубежных фирм из враждебного государства. Инвесторы оценивают норму прибыли и ёмкость местного рынка, но в случае конфликта требования к этим условиям существенно повышаются. Отсутствие технологически развитых инвесторов не свидетельствует о полной бесперспективности ОЭЗ в стране-акцепторе, но в таком случае возможности зон ограничиваются некоторым ростом производства в уже существующих нишах и выводе товаров и услуг сугубо на местный или смежный рынок, увеличением процента занятости местного населения. В обстановке международной напряжённости ОЭЗ сохраняют перспективу развития в том локальном сегменте, где имеют технологическое преимущество оставшиеся страны-доноры. В ТОР Дальнего Востока главным источником ПИИ, скорее всего, останется Китай, возможно, какая-то значимая доля будет у Индии. Япония и Южная Корея, зависящие во внешней политике от США, едва ли рискнут претендовать

на роль «якорных» инвесторов, а у компаний из ЮВА нет достаточного уровня технологического развития, чтобы в большом количестве войти на рынок РФ. В основном же ТОР Дальнего Востока будут наполнены российским и офшорным капиталом.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. +17,1%. Как Дальний Восток опередил всю остальную Россию по приросту инвестиций? 18.05.2018. URL: <https://nadv.ru/news/18487/> (дата обращения: 01.06.2018).
2. Артоболевский С.С. Западный опыт региональной политики: возможности и ограничения практического использования // Региональные исследования. 2008. № 3. С. 3—16.
3. Баландин Р. Александр Галушка: Дальний Восток стал ведущим регионом РФ по привлечению инвестиций. 27.04.2018. URL: <http://tass.ru/opinions/interviews/5163432> (дата обращения: 01.06.2018).
4. Бизнес-навигатор по особым экономическим зонам России — 2017 / Ассоциация кластеров и технопарков. М.: АКИТ, 2017. 148 с.
5. Братерский М.В. Экономические инструменты внешней политики и политические риски. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2010. 231 с.
6. Булатов А.С. Россия в международном движении капитала: перелом тенденций // Вопросы экономики. 2017. № 5. С. 148—158.
7. Булатов А.С. Финансовый капитал мира // Мировое и национальное хозяйство. 2015. № 1 (32). URL: <http://www.mirec.ru/2015-01/finansovyyj-kapital-mira> (дата обращения: 01.06.2018).
8. ЕАЭС и страны Евразийского континента: мониторинг и анализ прямых инвестиций — 2017 // Евразийский банк развития. Доклады Центра интеграционных исследований. № 47. 13.12.2017. URL: <https://eabr.org/analytics/integration-research/cii-reports/eaes-i-strany-evraziyskogo-kontinenta-monitoring-i-analiz-pryamykh-investitsiy-2017-/> (дата обращения: 01.06.2018).
9. Захарова Л.В. Межкорейские экономические отношения: от истоков до современности. М.: ИДВ РАН, 2014. 250 с.
10. Иванов С.А. Особые экономические зоны в Китае: уроки для дальневосточной политики // Россия и АТР. 2014. № 4. С. 129—141.
11. Исследование инвестиционной привлекательности стран Европы. Россия, 2018 год // Ernst & Young. 2018. URL: [http://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/ey-eas-2018-final-rus/\\$FILE/ey-eas-2018-final-rus.pdf](http://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/ey-eas-2018-final-rus/$FILE/ey-eas-2018-final-rus.pdf) (дата обращения: 01.06.2018).
12. Калининченко М. Удалось заинтересовать. Локализация: индустриальные парки и особые экономические зоны // Эксперт. 2017. № 47 (1053). 20 нояб. URL: <http://expert.ru/expert/2017/47/udalos-zainteresovat/> (дата обращения: 01.06.2018).
13. Кирьянов О.В. Россия — КНДР: проект «Хасан — Раджин» // Азия и Африка сегодня. 2015. № 6. С. 65—68.
14. Кондратьев В.Б., Егоров А.С., Аукционек С.П. Оценки конкурентоспособности стран // Мировая экономика и международные отношения. 2013. № 2. С. 12—25.
15. Кузнецов А.В. Интернационализация российской экономики: Инвестиционный аспект. М.: КомКнига, 2007. 288 с.
16. Кузнецова Г.В. Современное положение России на мировом рынке НИОКР // Российский внешнеэкономический вестник. 2017. № 2. С. 15—23; № 3. С. 34—40.

17. Кушнарев В. Ждать юаня. Сколько и куда на самом деле инвестируют китайцы в России // EastRussia. 18.04.2018. URL: <https://www.eastrussia.ru/material/zhdat-yuanyu/> (дата обращения: 01.06.2018).
18. Мамчиц Р. Возможны ли инвестиции в Северную Корею? 06.03.2018. URL: <https://www.if24.ru/investitsii-v-severnyuyu-koreyu/> (дата обращения: 01.06.2018).
19. Международные экономические отношения: учебник для студентов вузов / под ред. В.Е. Рыбалкина. 9-е изд. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. 647 с.
20. Моисеев А. В какую сторону «поплывёт» Куба? // Международная жизнь. 23.01.2018. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/19181> (дата обращения: 01.06.2018).
21. Олейнов А.Г. Международная политэкономия: предмет и метод // Мировая экономика и международные отношения. 2017. № 2. С. 54–64.
22. Совместное заявление РФ и КНР о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шёлкового пути. 08.05.2015. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/4971> (дата обращения: 01.06.2018).
23. Статистика внешнего сектора. 2018. URL: <http://cbr.ru/statistics/?PrId=svs> (дата обращения: 01.06.2018).
24. Тарануха Ю.В. Конкурентоспособность страны: зачем за неё бороться // Общество и экономика. 2016. № 5. С. 72–85.
25. Трейтьякова Е.В. Прямые иностранные инвестиции: оценка привлечения в Республику Беларусь // Вестник ГГТУ им. П.О. Сухого. 2017. № 3. С. 75–83.
26. Хоскинг А. Курс предпринимательства. М.: Международные отношения, 1993. 349 с.
27. Швандар К.В. Современные тенденции формирования международной конкурентоспособности национальной экономики: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М., 2011. 48 с.
28. Akinci G., Crittle J. Special Economic Zone: Performance, Lessons Learned, and Implication for Zone Development. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/343901468330977533/Special-economic-zone-performance-lessons-learned-and-implication-for-zone-development> (дата обращения: 01.06.2018).
29. Iran 2nd Biggest FDI Destination in MENA. 28.05.2017. URL: <https://financialtribune.com/articles/domestic-economy/65339/iran-2nd-biggest-fdi-destination-in-mena> (дата обращения: 01.06.2018).
30. North Korea Took 70 Percent of Kaesong Wages for Weapons Program: South Korea. 14.02.2016. URL: <https://www.reuters.com/article/us-northkorea-satellite-kaesong/north-korea-took-70-percent-of-kaesong-wages-for-weapons-program-south-korea-idUSKCN0VN020/> (дата обращения: 01.06.2018).
31. Special Economic Zones: an Operational Review of Their Impacts. 2017. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/29054> (дата обращения: 01.06.2018).

REFERENCES

1. +17,1%. *Kak Dal'nij Vostok operedil vsyu ostal'nyuyu Rossiyu po prirostu investitsij?* [+17.1%. How Did the Far East Outstrip the Rest of Russia in Terms of Investment Growth?]. 18.05.2018. Available at: <https://nadv.ru/news/18487/> (accessed 01.06.2018). (In Russ.)
2. Artobolevskij S.S. Zapadnyj opyt regional'noj politiki: vozmozhnosti i ogranicheniya prakticheskogo ispol'zovaniya [Western Experience of Regional Policy: Opportunities and Limitations of Practical Use]. *Regional'nye issledovaniya*, 2008, no. 3, pp. 3–16. (In Russ.)

3. Balandin R. *Alexander Galushka: Dal'nij Vostok stal vedushhim regionom RF po privilecheniju investicij* [Alexander Galushka: The Far East Has Become the Leading Region of Russia to Attract Investment]. 27.04.2018. Available at: <http://tass.ru/opinions/interviews/5163432> (accessed 01.06.2018). (In Russ.)
4. *Biznes-navigator po osobym jekonomicheskim zonam Rossii — 2017* [Business Navigator for Special Economic Zones of Russia — 2017]. Ed. by Associacija klasterov i tehnoparkov. Moscow, AKIT Publ., 2017, 148 p. (In Russ.)
5. Braterskij M.V. *Ekonomicheskie instrumenty vneshnej politiki i politicheskie riski* [Economic Instruments of Foreign Policy and Political Risks]. Moscow, Izdatel'skij dom GU-VSHE Publ., 2010, 231 p. (In Russ.)
6. Bulatov A.S. Rossiya v mezhdunarodnom dvizhenii kapitala: perelom tendencij [Russia in International Capital Flow: Change in Trends]. *Voprosy ekonomiki*, 2017, no. 5, pp. 148—158. (In Russ.)
7. Bulatov A.S. Finansovyy kapital mira [The Financial Capital of the World]. *Mirovoe i nacional'noe hozyajstvo*. 2015, no. 1 (32). Available at: <http://www.mirec.ru/2015-01/finansovyy-kapital-mira> (accessed 01.06.2018). (In Russ.)
8. EAES i strany Evrazijskogo kontinenta: monitoring i analiz pryamykh investicij — 2017 [EAEU and the Countries of the Eurasian Continent: Monitoring and the Analysis of Direct Investments]. *Evrazijskij bank razvitiya. Doklady Centra integracionnyh issledovanij* [The Eurasian Economic Union and the countries of the Eurasian continent: monitoring and analysis of direct investment — 2017], no. 47, 13.12.2017. Available at: [https://eabr.org/analytics/integration-research/cii-reports/eaes-i-strany-evrazijskogo-kontinenta-monitoring-i-analiz-pryamykh-investitsiy-2017-/](https://eabr.org/analytics/integration-research/cii-reports/eaes-i-strany-evrazijskogo-kontinenta-monitoring-i-analiz-pryamykh-investitsiy-2017/) (accessed 01.06.2018). (In Russ.)
9. Zaharova L.V. *Mezhkorejskie ekonomicheskie otnosheniya: ot istokov do sovremenosti* [Inter-Korean Economic Relations: from the Beginning to the Present]. Moscow, IDV RAN Publ., 2014, 250 p. (In Russ.)
10. Ivanov S.A. Osobyje ekonomicheskie zony v Kitae: uroki dlya dal'nevostochnoj politiki [Special Economic Zones in China: Lessons for the Far Eastern Policy]. *Rossiya i ATR*, 2014, no. 4, pp. 129—141. (In Russ.)
11. Issledovanie investicionnoj privlekatel'nosti stran Evropy. Rossiya, 2018 god [Investigation of Investment Attractiveness of European Countries. Russia. 2018]. *Ernst & Young*. 2018. Available at: [http://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/ey-eas-2018-final-rus/\\$FILE/ey-eas-2018-final-rus.pdf](http://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/ey-eas-2018-final-rus/$FILE/ey-eas-2018-final-rus.pdf) (accessed 01.06.2018). (In Russ.)
12. Kalinichenko M. Udalos' zainteresovat'. Lokalizaciya: industrial'nye parki i osobyje ekonomicheskie zony [It was Possible to Interest. Localization: Industrial Parks and Special Economic Zones]. *Expert*, 2017, no. 47 (1053). Available at: <http://expert.ru/expert/2017/47/udalos-zainteresovat/> (accessed 01.06.2018). (In Russ.)
13. Kir'janov O.V. Rossiya — KNDR: proekt "Hasan — Radzhin" [Russia — North Korea: Khasan — Rajin Project]. *Azija i Afrika segodnja*, 2015, no. 6, pp. 65—68. (In Russ.)
14. Kondrat'ev V.B., Egorov A.S., Aukucionek S.P. Otsenki konkurentosposobnosti stran [Competitiveness Assessments of Countries]. *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnyje otnosheniya*, 2013, no. 2, pp. 12—25. (In Russ.)
15. Kuznecov A.V. *Internacionalizaciya rossijskoj ekonomiki: Investicionnyj aspekt* [Internationalization of the Russian Economy: Investment Aspect]. Moscow, KomKniga Publ., 2007, 288 p. (In Russ.)
16. Kuznecova G.V. Sovremennoe polozhenie Rossii na mirovom rynke NIOKR [Current Position of Russia in the World Market of R&D]. *Rossijskij vneshneekonomicheskij vestnik*, 2017, no. 2, pp. 15—23; no. 3, pp. 34—40. (In Russ.)

17. Kushnarev V. Zhdat' Juanja. Skol'ko i kuda na samom dele investirujut kitajcy v Rosii [Waiting for the Yuan. How Much and Where do the Chinese Really Invest in Russia]. *EastRussia*. 18.04.2018. Available at: <https://www.eastrussia.ru/material/zhdat-yuanya/> (accessed 01.06.2018). (In Russ.)
18. Mamchic R. *Vozmozhny li investicii v Severnuyu Koreyu?* [Is It Possible to Invest in North Korea?]. 06.03.2018. Available at: <https://www.if24.ru/investitsii-v-severnuyu-koreyu/> (accessed 01.06.2018). (In Russ.)
19. *Mezhdunarodnye ekonomicheskie otnoshenija: uchebnyk dlja studentov vuzov* [International Economic Relations: Textbook for Students]. Ed. by V.E. Rybalkin. Moscow, JuNITI-DANA Publ., 2012, 647 p. (In Russ.)
20. Moiseev A. V kakuyu storonu «poplyvet» Kuba? [In What Direction Will Cuba “Float”?]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*. 23.01.2018. Available at: <https://interaffairs.ru/news/show/19181> (accessed 01.06.2018). (In Russ.)
21. Olejnov A.G. *Mezhdunarodnaja politekonomija: predmet i metod* [International Political Economy: Subject and Method]. *Mirovaja ekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija*, 2017, no. 2, pp. 54–64. (In Russ.)
22. *Sovmestnoe zajavlenie RF i KNR o sotrudnichestve po soprjazheniju stroitel'stva Evrazijskogo jekonomicheskogo sojuza i Ekonomicheskogo pojasa Shelkovogo puti* [Joint Statement of the Russian Federation and the PRC on Cooperation in Combining the Construction of the Eurasian Economic Union and the Silk Road Economic Belt]. 08.05.2015. Available at: <http://www.kremlin.ru/supplement/4971> (accessed 01.06.2018). (In Russ.)
23. *Statistika vneshnego sektora* [Statistics of the External Sector]. 2018. Available at: <http://cbr.ru/statistics/?PrId=svs> (accessed 01.06.2018). (In Russ.)
24. Taranuha Yu.V. Konkurentosposobnost' strany: zachem za nee borot'sya [Competitiveness of the Country: Why Should We Fight for It]. *Obshchestvo i ekonomika*, 2016, no. 5, pp. 72–85. (In Russ.)
25. Trejt'yakova E.V. Pryamye inostrannye investicii: ocenka privlecheniya v Respubliku Belarus' [Foreign Direct Investment: Assessment of Attracting to the Republic of Belarus]. *Vestnik GGTU im. P.O. Suhogo*, 2017, no. 3, pp. 75–83. (In Russ.)
26. Hosking A. *Kurs predprinimatel'stva* [Business Studies Textbook]. Moscow, Mezhdunarodnye otnoshenija Publ., 1993, 349 p. (In Russ.)
27. Shvandar K.V. *Sovremennye tendencii formirovaniya mezhdunarodnoj konkurentosposobnosti nacional'noj ekonomiki: avtoref. dis. ... d-ra ekon. nauk* [Modern Trends in the Formation of the International Competitiveness of the National Economy. Abstract of the PhD in econ. sci. diss.]. Moscow, 2011, 48 p. (In Russ.)
28. Akinci G., Crittle J. *Special Economic Zone: Performance, Lessons Learned, and Implication for Zone Development*. Available at: <http://documents.worldbank.org/curated/en/343901468330977533/Special-economic-zone-performance-lessons-learned-and-implication-for-zone-development> (accessed 01.06.2018). (In Eng.)
29. *Iran 2nd Biggest FDI Destination in MENA*. 28.05.2017. Available at: <https://financialtribune.com/articles/domestic-economy/65339/iran-2nd-biggest-fdi-destination-in-mena> (accessed 01.06.2018). (In Eng.)
30. *North Korea Took 70 Percent of Kaesong Wages for Weapons Program: South Korea*. 14.02.2016. Available at: <https://www.reuters.com/article/us-northkorea-satellite-kaesong/north-korea-took-70-percent-of-kaesong-wages-for-weapons-program-south-korea-idUSKCN0VN02O/> (accessed 01.06.2018). (In Eng.)
31. *Special Economic Zones: an Operational Review of Their Impacts*. 2017. Available at: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/29054> (accessed 01.06.2018). (In Eng.)